

Клубные встречи

Маскируя почтительное смущение и стремясь обойтись без пышных эпитетов (все ведь и так ясно), скажу попросту: Микаэл Таривердиев — “заядлый композитор”. Но и курильщик, видимо, тоже. Во всяком случае трубку из рук не выпускает.

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ:

лись к музыке?

— Моя тетка Маргарита училась в тбилисской консерватории — и все время пела Шуберта. Ее голос лучше всего звучал, как она считала, в туалете. Она там закрывалась и пела.

— Как Бабичев — “он поет по утрам в клозете”?

— Нет, просто резонанс хороший. Так что первое, что я услышал в своей жизни, — это был Шуберт. Потом она же меня повила — лет в пять, что ли — на “Травиату”. Впечатление убийственное — так жалко было Виолетту... И третье впечатление: меня — еще до прихода в детский сад — повели на “Чапаева”. И там я услышал, как офицер играет “Лунную сонату” Бетховена, — это меня потрясло совершенно. А когда в Чапаева стреляли, когда он плыл через реку... В общем, меня увели с картины, температура у меня поднялась до сорока, не мог спать несколько дней — мне казалось, что я тону и в меня стреляют, стреляют...

— Я вас не спрашиваю, как рождается музыка...

— А я и сам не знаю. Но, например, рояль мне не нужен.

— Да?

— Это ведь только в кино, в плохих фильмах... Сидит Глинка за роялем, попьет вина, бум-бум по клавишам — и записывает ноты. Это чепуха. Музыка за столом пишется.

— Но, наверное, все же одну из комнат у вас занимает рояль?

— Да, в гостиной он у меня стоит, но я не играл на нем очень

— А как вы относитесь к наградам? У вас они есть?

— Три государственных премии. 18 международных. Но они мне ничего не прибавили, не убавили. Это ничего не определяет.

Хотите, расскажу вам, как получил орден Трудового Красного Знамени? Значит, меня пригласили на Филиппины с моим концертом новым — для скрипки с оркестром номер один. Но нужно же где-то его обыграть, правильно? И был какой-то фестиваль в Сочи, и мы решили с Гришей Жислиным, скрипачом, там его исполнить, потому что через десять дней лететь в Манилу. Ну концерт, полный зал, прелестьно все. После чего я пригласил, естественно, Гришу и дирижера Арнольда Каца поужинать: это было часов девять вечера. Подходит ко мне официант и говорит: “Микаэл Леонович, я хочу вас поздравить: вам дали орден”. Я говорю: “Как?! За концерт?! Уже?!”. Он говорит: “Я не знаю, за что, но в программе “Время” объявили сейчас”. А тогда эти программы утром повторялись. Наутро включаю: моя физиономия — и рядом орден. Что такое?

Приезжаю в Москву — и мне рассказывают... Оказывается, один из помощников Брежнева (а это уже были последние годы его жизни) в который раз заказал ему на дачу “Семнадцать мгновений весны” — через девять лет после того, как она вышла. И Брежнев смотрел ее целый день. После чего заплакал и сказал: “Какой труд композитора! Какая замечательная музыка!” Тамош-

— это были понятно кто. А сейчас? Казенин.

— Кто?

— Ну вот — “кто”. Вы знаете такого человека? А во главе Союза композиторов Москвы — Галахов. Не слышали, не напрягайтесь... Альтернатива была — Андрей Эшпай. Так они его прокатили. И совершенно другие интересы возникают. Старое здание Союза — два этажа, зал, ресто-ран, библиотека — композитор Дашкевич, который стал заместителем председателя конфедерации Союзов, сдал какому-то банку по 89 долларов метр! Вы такие цены где-нибудь видели? Когда в Центре метр идет за тысячу? Вам все ясно?

— А вы с нашим новым русским бизнесом как-то сталкивались?

— Да, деньги в “Чаре” потерял. А вообще, чем я сейчас увлечен — при Фонде культуры есть такая программа: “Новые имена”. Это дети России, которых мы находим везде. Любый ребенок может приехать к нам, прослушаться, получить стипендию. Мы их возим по разным странам и по России, оберегаем, пестуем. В прошлом году выступали перед папой римским в Ватикане, в марте нас принимал принц Кентский Майкл. Это благотворительная организация — и нам дают деньги банки. Но этим занимаюсь не я, а генеральный директор Иветта Воронова. Я — художественный руководитель (естественно, “за бесплатно”).

Вот это — святое дело. Клопу девять лет, а он уже лауреат международного конкурса! Но почему-то это не интересует наше ТВ. А ведь если на них не обращать внимания — их переманят увезут. Пусть ездят, куда хотят, но они должны знать, что в России их любят и ждут, что они нужны дома, нужны своей стране.

Вообще ненормально, когда стране не нужны профессионалы. А у нас сейчас происходит именно это. Это просто беда, когда понятие “профессия” становится расплывчатым. Причем я почитаю любую профессию — ну, естественно, только не профессию киллера. Вот вы — журналист, я — композитор. Нас приводят на металлургический завод и говорят: ну-ка, ребята, — сейчас будете варить сталь.

— Мы им наварим...

— Потому что не умеем. И в лучшем случае можем быть только учениками долгое время. Вот сейчас все — композиторы. Вы обещали умца-умца — говорят: композитор Сидоров. Композитор Шостакович и композитор Сидоров. Ребята, это разные вещи. Вот, предположим, у меня хобби — быть дантистом. Покупаю бормашину и говорю: прошу всех желающих ко мне — буду зубы вам сверлить. И что на это мне скажут? А в музыке это почему-то можно. Отсюда — постепенное падение культуры, снижение планки...

Знаете, чем больше всего меня еще огорчает нынешнее время? Каким-то своим открытым прагматизмом, отсутствием идеалов, надежд. Чем мне так дороги, скажем, шестидесятые годы? Именно этим удивительным ощущением востребованности, нужности, надежд. Да, этот период был коротким, пусть наши надежды во многом оказались иллюзорными, но именно они давали нам ощущение остроты жизни. В фильме “До свидания, мальчики”, который мы делали тогда с моим другом Михаилом Каликом, была такая фраза: “Мне казалось, впереди меня ждет только радость”. В общем-то, это было настроением целого поколения. Сегодня многим из нас этого ощущения не хватает. А жаль.

Гостя принимал Алексей ЕРОХИН.

«Почему демократы не любят классику?»

— Микаэл Леонович, вы курите? Но ведь у вас несколько лет назад была операция на сердце...

— Ну что же теперь делать — не жить, что ли? Я и курю, и катаюсь на водных лыжах. Сколько отпущено — столько и проживешь.

— А сколько вам сейчас лет?

— Мне много: 64.

— Сейчас многие люди творческих профессий жалуются на время, на обстоятельства...

— Для меня ничего не изменилось. Просто мне приходится работать где-то втрое больше, чтобы как-то поддержать тот уровень жизни, к которому я привык. Он, в общем-то, не такой уж высокий: я живу в обычном доме, в трехкомнатной квартире с 6-метровой кухней. А спрос на меня не упал абсолютно. Изменилось кругом все — что-то в лучшую сторону, что-то в очень неприятную, но моя жизнь — прежняя. Телевизор только раздражает.

— А что смотрите?

— В общем, новости. И пытаюсь из двух-трех новостных программ вытащить то, что действительно является правдой.

— А чего не смотрите?

— Безумно раздражает на ТВ огромное количество идиотских игр. Это ужасно. Стремятся либо подсушить под это какую-нибудь рекламу в прайм-тайм, либо какие-то идеи. И, к сожалению, нет ни одного канала, который интересовало бы будущее страны, желание сохранить ее генофонд.

Вообще странная штука: при большевиках, которые давили все направо и налево, существовала тем не менее классическая музыка на ТВ. А сегодня, при демократии, ее нет. Я не могу этого понять.

— Думаете, большевики были ценителями классической музыки?

— Но им было неприлично ее не давать. Хотя так... Да, им была нужна музыка, их воспевавшая, — и кто-то ее делал. Но не верьте тем, кто говорит, что их заставляли писать про партию, про Ленина. Я пробыл в Союзе композиторов 30 лет и говорю вам с полной ответственностью: никто, никогда, ничего меня не застав-

лял писать. Я и не писал. Другое дело, что на столе стоял пирог — и желающих встать к нему в очередь было полно. А кто не хотел: ты не наш — ну и ладно.

— Но конъюнктура есть и сейчас. Как она изменилась?

— Конъюнктура не изменилась — сменился хозяин. Вот в прежние времена выступал кто-нибудь: спасибо нашей партии за то-то и то-то. И это было, в общем, очень неприлично, это делали совершенно отдельные люди, о которых говорили: вот подлиза, вот подонок. А сейчас самые, по моим понятиям, приличные люди, не стеснясь, говорят: вот мы тут блины едим — и большое спасибо этой фирме, банку этому, который нам эти блины купил. Это я сам видел по телевизору — и от злости чуть не упал с дивана. Известные актеры говорили!

У меня когда-то была история. Мой учитель Арам Ильич Хачатурян звонит мне вечером и говорит: “Немедленно приезжай!” Я испугался: Боже мой, со мной что-то случилось! Влетел в машину, примчался к нему: что случилось? “Ты знаешь, я был сегодня в Кремле и сидел на обеде рядом с Подгорным!” Был тогда такой начальник, председатель президиума чего-то. Я говорю: “Арам Ильич, да вы все перепутали — это Подгорный сидел рядом с вами”. Он: “Молчи! Молчи! Тебя посадят!” Так же, кстати, говорила и моя мама, которая всегда за меня боялась.

Это была другая психология — людей замечательных, но сломленных. Но откуда подобное у людей моего поколения?

— Кстати, о политике: если вы смотрите новости, то, стало быть, ею интересуетесь?

— Нет, я интересуюсь жизнью — абстрагироваться от того, что происходит в стране, невозможно. Но я знаю совершенно точно: есть один человек в мире, которому я политически не доверяю полностью, от “а” до “я”.

— Кто же это?

— Это я. Когда появился Горбачев, я был очень рад: вместо косноязычных стариканов — человек в очках, как-то гладко говорящий, с женой, приемлемой внешне. Но слава Богу, что я не писал всяких писем и не ходил ни на какие собрания. Прошло два года, и большей неприязни, чем Горбачев, у меня не вызывал никто — своей глупостью, своим наглým враньем.

И на этом фоне появился человек из провинции, такой крепко сколоченный, ездил на “Москвиче” своего зятя, какие-то свинские номера ему устраивали — в итоге мои симпатии перешли к нему. Президент. Прошло два года — и опять от симпатий не осталось ничего. Поэтому больше доверять всяким партиям я не буду. А уж себе — тем более.

— А если бы вам предложили написать музыку для Гимна России?

— Ну это была бы для меня слишком высокая честь.

— Но тем не менее — какой-нибудь конкурс...

— В конкурсе я бы не стал участвовать.

— Не любите тараканы бега?

— Да. Я достаточно хорошо знаю, что в конкурсах, кроме реальных оценок, есть еще масса привходящих обстоятельств. А в таком деле, как Гимн России, их было бы еще больше.

— Вы хорошо знаете свою родословную?

— В общем, да. Когда был Чингисхан?

— В тринадцатом веке...

— Так вот предки отца появились в Армении именно в тринадцатом веке, вместе с христианской частью войска Чингисхана (ведь в суперэтносе, в который объединил многие народы Чингисхан, были разные ветви, в том числе и христианская, это были в основном христиане-несториане). Пра-пра-пра-и так далее — правед был тысячником, нашему крупным военачальником. Моя мать — тоже из старинной армянской семьи.

— Здорово. Но вы все же пошли не в этого предка. А ваши родители имели какое-то отношение к музыке?

— Никакого. Мама была философ и географ. А отец по нашим временам как бы человек уместный — он был директором банка — государственного, естественно.

— Отчего же вы обрати-

давно. У него, кстати, забавная история. У меня был очень маленький рояль из ГДР. И как-то один из моих друзей женился. И я к ним заехал в гости. А она — дочь одного маршала в отставке, который жил безвылазно на даче. А ребята жили в его квартире — не очень большой, где одну из комнат занимал рояль “Стейнвей”. И они мне говорят: “Может, ты его увезешь? У нас, видишь, комната небольшая. Ты нам привези какой-нибудь маленький рояль, а мы тебе этот подарим”. Я говорю: “Опупели, что ли? У меня гадзевровский, а это же роскошный “Стейнвей”! Вы что — совсем?..” — “Да ладно тебе”. В общем, уговорили. И рояль пошел ко мне. И выяснилось, что рояль этот был знаменитый Геринга.

— Как вы это узнали?

— Настройщики по номерам установили.

— А у инструмента этого не было никакого такого акцента?

— Нет. “Стейнвей” — он и в Африке “Стейнвей”.

— Неужто Геринг сам играл?

— Господь с вами! Это были темные люди.

— В жизни сейчас много смешного происходит — вы не считаете?

— Очень смешно, когда к 100-летию кино нам в Союз кинематографистов спустили, как в старое время, разнарядку на орден: штук пятьсот, что ли. Смешно все это.

ние его “швейки” тут же строчат: Таривердиеву — орден Трудового Красного Знамени. А, говорит, радистка Кат одной рукой ребеночка придерживает, а другой шлет на родину донесения азбукой Морзе — почет нашим матерям! “Швейки” тут же: Кате Градовой, исполнявшей роль Кэт, — орден “Знак Почета”.

— И чего не “Мать-героиню”...

— И так он прошелся по всем. Но дело в том, что в кино он не разбирался, и о том, что фильм появляется на экране не сам по себе, а его снимает оператор, он забыл. И “швейки” не записали Петю Катаева, который три года снимал эту картину. А то, что роман и сценарий написал Юлиан Семенов... Он, видимо, решил, что персонажи сами говорят, просто от себя, и Юлика не назвал... Ну вот теперь скажите — могу я к этой награде относиться все-рьез?

— Но все же таланту надобно поощрение...

— Вот есть гениальный композитор — и я думаю, что мы будем все гордиться, что жили в одно время с ним, — Валерий Гаврилин. Он в полном загоне, никому не нужен. А совершенно непонятные люди ходят в первых номерах.

— А что же Союз композиторов?

— Я в тот Союз не хожу — там очень противно. Когда во главе российского Союза стояли Шостакович, Свиридов, Щедри-